

18+ Алик Гасанов

Как сейчас помню

сборник рассказов №23

Алик Гасанов

**Как сейчас помню.
Сборник рассказов №23**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Как сейчас помню. Сборник рассказов №23 / А. Гасанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982586-5

Небольшие рассказы из жизни, про жизнь и за жизнь. Возьмите с собой в поезд, почитайте, говорят, неплохо изложено. Спасибо за внимание.

ISBN 978-5-44-982586-5

© Гасанов А.
© Издательские решения

Как сейчас помню

Сборник рассказов №23

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2020

ISBN 978-5-4498-2586-5 (т. 23)

ISBN 978-5-4493-5894-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как-то летом.

... – Ой, только не надо на меня так смотреть, шо тот Ахмед на свинину!..., – дядька с горечью насупился, отворачиваясь и потягивая больную спину, – И шо вы так смотрите на меня, Семён Маркович, ей-богу, пожалейте вы уже мои старые нервы...

... Я вчера выкатился какого-то чёрта пешком со свадьбы друга моего Славика посреди летней ночи в полном удовлетворении чувств, и докатился-таки видимо того-же самого чёрта до медвытрезвителя... И вот я лежу боком утречком на невысокой деревянной наре, а напротив меня сидят два пожилых мужика в костюмах, и у Семёна Марковича даже гвоздика пожухлая болтается в петличке, и туфли на них обоих остроносые, щёгольские, но это мне не интересно. Мне интересно, что у обоих мужчин под глазом абсолютно симметричные здоровенные фингалы баклажанового цвета, с тем лишь отличием, что у Семёна Марковича бланш вокруг левого глаза, а у Давида Семёновича наоборот вокруг правого.

... – А мне и смотреть уже не можно на вас, уважаемый Давид Семёныч? Что вы хотите мне сказать тем?, – так же добродушно удивляется второй, поднимая брови. – Ой, успокойтесь вы ей-богу... Мне нет никакого дела, что вам таки можно, а что вам не можно! Тем более после вчерашней этой вашей выходки, ей-богу!..

– Моей выходки?!, – Давид Семёныч так удивляется, что позвоночник ставит колом, и смотрит сверху, скрещивая пальцы, – Вы сейчас сказали – «моей выходки»?..

– Нет, мне это нравится..., – Семён Маркович так обескуражен, что не находит слов. Он наклоняет голову, и смотрит на друга одним глазом без фингала, как сорока в мосол, – А чьей же то была выходка, объясните мне, будьте так ласковы!.. Нет! Я прошу вас и настаиваю – объясните мне, и чьей же по вашему была эта идиотская ваша выходка?!..

Скрипучая центрифуга плавно замедляет ход в моей голове, и сквозь прищур глаз я с интересом подслушиваю, но кроме выяснения отношений двух язвительных стариков, я ни чего не понимаю, и Давид Семёнович вдруг совсем уже теряет терпение, и хлопает несильно меня по плечу, переходя на неприличный визг:

– Нет, вы послушайте его, молодой человек, кто из нас не прав!.. Я вижу, вы почти не спите, послушайте его, что произошло, пока не случилось что-то страшное с этим Семёном Марковичем, будь он уже здоров!.. А было вот чего. Вчера Давид Семёнович и Семён Маркович спокойно ехали в троллейбусе №-4 из парка что в Христовке домой на площадь Октября. И вчера Давид Семёнович, так же как и Семён Маркович не забыли помянуть друга ихнего Изю из Калуги, ибо друг Изя из Калуги (добрейшей души человек!) отдал богу душу ровно год назад именно этого числа.

... – Как в воду глядел!..

И друзья добросовестно и тщательно помянули того Изю добрыми словами и двумя литрами вина «Порто-№7 (столовое, второй розлив)», и мирно ехали в троллейбусе №-4 домой,

говорю. И вот едут они и едут, а народ выходит и входит, и жизнь течёт своим чередом, и Семён Маркович задумчиво размышляет вполголоса, вспоминая покойного Изю из Калуги:

... – Так вот, Дава дорогой, был человек, и нет теперь человека... Воскресный вечер, квитанция на электричество, котлеты с рисом, эпилептический криз, и всё. Нету больше Изю... .

И тут Давид Семёнович вдруг замечает, что незнакомая полная дама напротив, сидя у окошка, вдруг выкатывает из орбит глаза, и начинает ими вращать по кругу, и моргать с силой, и опять тарашить, делая глазами маятник... Мужчины легонько толкнули друг-друга плечами и уставились на несчастную, бормоча тихо и понимая друг друга с полу-звука:

– Ей-богу, совсем как у нашего Изю... – Надо на бок её положить... – Зачем? – Только аккурратно... Чтобы она... Как наш Изю...

– На бок?..

– Угу...

И друзья тихо встали, и стали осторожно укладывать несчастную женщину на бок...

... – И эта дура..!, – Давид Семёнович начинает краснеть от воспоминаний, отпихивая друга, но Семён Маркович всё-равно перекрикивает его:

... – И эта дура вдруг очень громко кричит «А», и бьёт так меня ридикюлем по физиономии!.. Вы представляете?.. Вы бы видели тот ридикюль!.. То не ридикюль, а багажник у моего «Москвича» 412-ой модели!..

... – А всё потому, что кое-кто, я не буду показывать пальцем, какого-то чёрта решил, что у дамы так приступ!.. Кое-кто, я не буду называть фамилий, возомнил себя профессором медицины, и с одного взгляда поставил даме диагноз!, – не выдерживает Давид Семёнович, перебивая и крича в полном изумлении, и старики опять грызутся, переходя на личности, и я с трудом сдерживаю смех.

... – То есть это я виноват, дорогой Семён Маркович, что вы какого-то чёрта подставили своё лицо, чтобы мадам достала до вашей рожи своим ридикюлем, а вы в свою очередь взбрыкнули от удара, и своей светлой головой разбили мне лицо? Я правильно вас понимаю сейчас?.. Нет, вы скажите мне как есть, а то я совершенно не понимаю, как эта милая дама умудрилась звездануть вас своей сумочкой по башке, чтобы ваша голова прилетела рикошетом в мою светлую голову!?!.. Нет, мне это нравится!.. Объясните мне это немедленно, почему дама звезданула только по вашей морде, а фингалы у нас у обоих?.. Объясните мне!.. Объясните!..

...Выдохнувшись от крика, мужики сели рядышком, повесив носы. – В милиции дама сказала, что делала гимнастику для глаз, а мы якобы хотели её повалить...

– «Мы хотели»!.., – опять взрывается Семён Маркович, – Вы первый полезли к незнакомой женщине, а хотели, видите ли – «мы»!.. Мне это нравится, ей-богу!..

По коридору прошли сапоги, кто-то жажнул засовом, и дверь открылась:

– Гасанов, на выход!

Я поднялся и вышел в тоскливый длинный проход, дверь закрыли, и, удаляясь от камеры, я ещё слышал, как там бурчали:

... – Женщина делала гимнастику для глаз, говорю я вам!, – ерепенился Семён Маркович, – Какого чёрта в вашу голову взбрело, что у ней случился приступ, вы мне объясните!.. Или я совсем вас не...

... – Нет, мне это нравится!.. То есть вы хотите мне сейчас сказать, что это именно в мою голову взбрело, что у ей не хорошо?.. Нет, вы подождите!.. Вы объясните мне ещё только один последний раз!..

Про Жанар.

«... Мне нравится, когда вы рассказываете про 90-е годы. Время было трудное, а вы так рассказываете, как-будто вам не было страшно...» (Оля, г. Гомель.)

...А свалился я, Оля, помню, как-то чего-то совсем уже где-то будто даже как бы на склад какой-то работать тогда даже, что ли, не помню... Или куда... Ну, да... Огромное здание удивительно разбухло массивным холодным кубом далеко у обводной дороги города, и я, принц второго разряда, водитель категории «Бе», вдруг припёрся тогда в это огромное серое здание без окон, и гендиректор компании в курилке давал мне от бычка прикурить, ёжась от холода, топая по снегу крокодиловыми «лодочками»:

– Главный, слышь – в коллектив войти па-нормальный, е? Главный войти нормальный, а потом всё нормально, е? Фамилия как твой? Слышь?.. И я удивляться не успевал, как и отвечать тоже, потому как вдруг в курилку эту возле забора на углу бывшего завода из-за угла вдруг вышли сразу четверо наголообритых, и один из них сильно хмурия брови взял гендиректора за галстук и согнул директора пополам, спрашивая:

– Ты Ваху Дикого знаешь, чувак? Ы!?! Чё зыришь, сыка? И гендиректор улыбался чего-то, совсем не пытаюсь вырваться, и не успевал вежливо отвечать, и его дёргали за галстук вниз, и он, с трудом сдерживая равновесие на льду, хватал себя руками по итальянскому костюму в талию, пытаюсь что-то найти в карманах, а лысый здоровяк краснел, распаяясь:

– Ты Вахе сколько должен, сыка?! Ы!?! Сюда смотри!.. А на следующий день я уже работал супервайзером.

Кто не в курсе – супервайзер, это тот же кто и вайзер, только супер. «Вайзер» – это так, херня из под ногтей. А супервайзер – это уже вам ни хухры-мухры. Это... Над всеми вайзерами, короче...

...И вот, короче говоря, мне сурово напомнили, что на работу мне надо приходиться в «дрескоде».

– Вы чё, совсем не вкуриваете?, – ругалась на меня при всех уже всё громче Алла Ильичина, отвечающая за дрес-код компании, – Я вам второй раз базарю – костюм-галстук-туфли. Ну чё не понятно, Алик? Вы чё, дебил, что ли? Запиши, если придурок! Элементарная культура! Элементарная!.. Вы же не на заводе!.. Чё вы как ишак вырядились, прости меня господи ей-богу...!!!?

И я напяливал на себя утром новую «тройку», вязал галстук, и краснел перед зеркалом, сжимая в руке совсем непонятную мне ранее вещь – барсетку.

...В моём подчинении удивительным образом оказались три десятка женщин и пять-шесть парней, «которых я должен был проверять». Мамамы и мужики, говорю, три года уже приходят на фирму, берут наряды-задания и бегают по своему маршруту, посещая торговые точки, магазины и лавки, а я вчера только пришёл такой, и я сегодня должен дать всем им указания и проверить их работу...

– Здоров, хлопцы!.., – проверенным способом я приветствовал коллектив, заходя в офис шумно, с мужиками за руку здороваясь и девчонкам улыбаясь, – Слышь?..

Меня уважительно побаивались. Многие признавали мою неопытность, но снисходительно принимали мой статус, и я платил им вежливостью, как мог:

– Тимур, ты же ветеран уже тут! Подскажи, братуха, пожалуйста... – говорю запросто, и огромный Тимур смущался, улыбаясь, и мы с ним изучали наряд-задания, и Тимур меня многому научил, как я помню, между прочим...

– Анечка!.., – бесцеремонно брал я под локоть взрослую тётку, Анну Зайцеву, и у всех замирало сердце – тётя Аня ишо та колючка: выгавкает так, что мама не горюй. Не терпит Анна Васильевна панибратства. Шестой десяток Анечке. Анна – бывший парторг горисполкома. А я ей не даю опомниться:

– Ань, вы простите меня, дурака, я тут недавно, да и опыта никакого, вы подскажите мне, добрая вы душа, как тут насчёт выкладки ценового сегмента в малых точках. Научите, прошу вас, если вам не сложно... Вы же знаете – если не вы, то кто?...

И Анна Васильевна (динамита кусок, а не женщина. Двух мужей похоронила.) не мигая на меня, глазки змеиные останаливат...

«Я щас подойду...», – говорит, – Алик... Как вас там?.. По отчеству...» И подходит через девять секунд. Удивительная. А я каждое утро браво к крыльцу подхожу. С барсеткой. А на крыльце уже пол-коллектива:

– Здоров, хлопцы!, – говорю весело.

...И вот всё вроде складывается, и коллектив меня уже вроде принял, а всё-равно нет-нет а встречаешь взгляды недоумённые, изучающие... Девушка-казашечка, Жанар. Лет двадцать пять девчуле. Только-только замуж выгнали. По-русски плохо говорит Жанар, потому что Жанар родом из дальнего аула, и очень стесняется она этого. Невысокая умница, смуглая скромница. Работяга и чистюля. Сумки таскает, домой через магазин бежит, хлеб, айран, тесто, молоко... Хорошая девочка. Подозреваю, что беременная уже. Чего-то ножки наскорячились с лета... Каждый раз, когда я утром подскакиваю здороваться, умница Жанар краснеет и пугается. Исподлобья смотрит... А потом уже смотрю как-то – не любит она меня, что ли?

...Пол-года почти проработали мы, а Жанар совсем на меня волком смотрит уже... Пузо уже как у бегемота, расхорошела кукла, обнять-погладить хочется, приятное сказать, а Жанарчик как зыркнет с утра на меня, аж...

...Почти перед самым декретом всегда тихая Жанарочка чего-то не выдержала вдруг:

– Зачем вы так с нами, Алик-ага*?.., – и бровки хмурит, совсем серьёзная.

Я обалдел:

– Жанарчик, ты про чего?

– Ну вот зачем вы такой?, – красавица так разнервничалась, что аж на грудь ладошку положила, оглянулась горячо – в кабинете мы одни, – Мы что – плохо работали? Мы хорошо работали!.. Вы сами так говорил! И по итогам года вы нас хвалил тоже!.. И премия!.. Зачем вы так говорил каждый день?..

Я так потрясён её бровями, что совсем опешил:

– Жанар-жаным*? Чем я обидел вас, совсем не понимаю? Вы про что сейчас?

А Жанарочка совсем раскраснелась, дверь придерживает, видно долго готовилась к этому разговору:

– Девочки так уважают вас, так уважают! И говорят – Алик-ага очень хороший мужик! Очень-очень!.. А вы каждый день нас «овцами» называете... – и Жанарочка подавилась обидой, и еле-еле сдержает в горле слезу, – Вы думаете нам не обидно?... – губки поджала дрожание, – А нам – обидно!.. Разве мы овцы?.. Зачем вы такой говорили!?..

(овцы-хлопцы!!!) ...

— — — — —

жаным* – уважительная приставка в обращении к женщине на Востоке. Буквально – «дорогая».

ага* – уважительная приставка в обращении к мужчине на Востоке. Буквально – «дядя».

Для Мариночки.

«... А вы оказывается прямо в Тольятти живете что-ли, Алик? Я прямо обалдела...» (из переписки, Марина Анатольевна, г. Жигулёвск.)

Если вам сдуру приспичило после обеда съездить на ул. Степана Разина, Мариночка, а вы находитесь в *Комсе** допустим, то вам лучше выйти на ул. Матросова, выше аптеки «Алия»

и сесть в маршрутку №-310, советую я вам. Вы подниметесь вверх по Матросова до кольца ул. Громовой и проедете после налево, через лесок до самого Центрального района. Потом вы лупанёте насквозь Центрального по улице Баныкина, и опять спуститесь вдоль леса в Портпосёлок, и будете вилять потом по верху обрыва у берега Волги, прерывая дух от красоты неба над древней рекой. И мощные сонные берёзы, замерев в снегу по самые лодыжки, будут без особого интереса зевать на вас в окошко «Газели», а сосны вообще не обратят на вас внимание, когда вы будете тыкать пальчиком в окошко, возбуждаясь от красоты необыкновенной: «Ой, смари же! Смари!..»

...Напротив меня мягко плюхнулась девчуля лет двадцати. Я уже согрелся и обмяк. Очки запотевшие вытер, подышав в них автоматически. Окошко морозное нагрелось солнышком пронзительным, и вроде мороз-то сегодня чуть за минус десять, а солнышко настаивает, и вот заискрился колючий узор на стекле, дрогнул и потёк слезой, и я залюбовался невольно. Девочка спелая, шапочка вязанная, рукавички чистенькие, только-только с магазина будто, тоже уселась, поёрзала, быстренько осмотрелась, всё тихо, на меня чуток глянула, а я совсем дед для неё, у меня дочь старше её!.. Успокоилась и поехала, красотуля, говорю... «Газель» обороты набирает, в этом месте тут Кавказ прям... Иной поворот аж дух захватывает. Резко вниз, и под сорок пять градусов вбок и резко вверх, и опять резко вниз с острым поворотом. Девушка красивая, аж смущает. Спелая, шо черешня. Ей и косметики не надо. Кожа чистенькая, родинка на шее, глазки такие, что аж ух... Удивительно, ресницы не крашены, а любой фотограф, я уверен... Следом бежал бы, уговаривал. Очень хорошенькая девочка. Уселась, освоилась, по сторонам посмотрела, всё нормально, ни каких безобразий, на узор в окошке залюбовалась, вздохнула, задумалась... Улыбается!.. Ей-богу, мужики. Сидит мелочь пузатая, о чём-то своём думает, на окно заиндевелое смотрит и улыбается!.. Вот-вот расхохочется!.. Глаз не оторвать, до чего хороша. А и вправду красиво-то!.. Маршрутка бежит резво, водила опытный, на поворотах деликатно притормаживает, но скорость держит по-пацански солидно.

Между нами в «Газели» и солнцем огромным – редкий лес наверху песчаного утёса. И это самые сильные, выжившие. Тут и дуб молодой, корнями в песчаный обрыв вцепился из принципа, и берёзки-молчуны, и осина нет-нет встречается. Редколесье рябит, быстро играя лучами на узоре окна, по глазам бьёт мягко, а небо заволокло яркой облачной дымкой на все лады. От мрачно-серого до детско-бирюзового... Красота неопишная... Девушка залюбовалась, аж глазки светятся, губки сочные растянула, зубки сахарные влажные... Ах, как хороша... Бровки дрогнули, прислушалась в мерном гуле машины, телефон из-за пазухи вынула, варежку сняв:

– Да-да, мам... Ало. Ало?, – тревожно головку прелестную наклонила, – Мам?.. Я узэ еду... Да мамусь, я узэ еду..., – послушала внимательно, закивала тревожно, – Я есё потом бабусе хлебусек пьенесу и домой. Ага?, – и снова тревожно бровки морщит, слушает, – Ага... Да-да, мам!.. Я на майшьютке!... Ага!.., – бровки совсем сморщила, видно мама беспокоится, спрашивает чего-то. Ко мне вежливо наклоняется, мягко телефон к шубке прижимает, – Это зи тьиста десятый номер, дядя? Да?.., – я кивнул, потрясённый, – Это тьиста десятый, мам!, – кричит радостно, – Дядя сказав – это тьиста десятый!.. Скоя я пьиеду, мам!.. Ага?.., – опять долго слушает, варежкой носик промокает, послушная, – Не!.. Меня дедуська на масинку посядив, и я поехала... А возле ынка я выйду, не забуду. Угу?.., – и опять чего-то слушает, пальчиком точёным джинсовую коленку поковыряв, разговор заканчивая, – У-у-у!.., – не соглашается, – Я бойсая!.. Мам! Я узэ бойсая у тибя!.., – смеётся, облегченно вздыхает, краснея, сделав ответственное дело, – И я тибя либлю!, – целует телефон звонко, – Оцинь-оцинь либлю!.. Пока!.. Пока, мамуся!.. Исё две остановки мине!.. Ага?..

...И мы уже въезжаем в Автозаводской район, и я выхожу на морозное солнце в искристых снежинках, и долго смотрю вслед «Газели»...

*Комса**– я долго брыкался, пытаюсь не принимать это, но уже привыкаю. «Комсой» коренные тольяттинцы называют один из трёх основных районов города – Комсомольский, где я и проживаю, на ул. Коммунистическая, если чё, Марин.

Диман Матюшов.

Если вы ни разу в жизни не пытались разжевать обломок шифера, то вам вряд ли это можно понять, согласитесь?

– Будешь?, – напарник мой, Диман Матюшов, протягивает заочневшую на морозе честную половинку шоколадки, откусив перед этим деликатно. Я взял покорно, сунул в рот, жую...

Тут надо опять вернуться к шиферу, ибо именно этот грохот в голове должен происходить у каждого, как мне кажется, если кому надо аккуратно прожевать кусочек. Вкусный, с орешками и карамелью, пузатенький огрызок дробится зубами на холоде с таким громким звуком, аж воробьи на ветке переглянулись, смолкнув тревожно. ... Пол-часа назад лишь только мы с Димой спокойненько так себе надрывались из последних сил на крыше, долбя наледь, и ни чего не предвещало беды, как вдруг Диме кто-то позвонил, и вот мы уже пулей рванули к его бабуле в другой район, и тащим уже маленькую сухую бабушку в мягких носилках по лестнице подъезда, а врач «Скорой помощи» путается у нас под ногами:

– Головой вперёд, мужчина... Головой, я говорю! Вы что, совсем уже?.. Как маленькие, ей-богу... Ногами ещё рано...

И мы аккуратно вышли из подъезда, и положили бабушку на каталку перед машиной, а бабушка совсем по-детски боится, что «сроним», и хватает меня холодной костлявой ручкой за запястье, а врачиха ворчит привычно по-доброму:

– Нина Павловна!.. Ды... Отпустите вы его!.. Вы же мешаете!.. Ну что вы, как маленькие, ей-богу...

...Бабушку похоронили через три дня, и Димычу на голову свалилась новая напасть. И квартиру надо переоформлять, и ремонт, и то, и сё...

... – Всё детство я вдвоём с бабулей...

Чай из моего термоса Диман всё время нахваливает. У него термос остывает моментально, а в моём чай остаётся горячим очень долго.

... – В поезде как-то едем... Хах!.., – смеётся, вспоминая.

Взмокшие и уставшие, сидим мы на чердаке очередной крыши, оставив в сторону лопаты и верёвки, обедаем.

– А мне бабуля перед поездом строго-на-строго так, мол: «Дима! Если что – скажи тёте, что тебе семь лет!».. Ха-ха-ха... – отхлёбывает, – ... Сэкономить хотела. А проводник подходит, мол, а сколько лет мальчику? До семи лет бесплатно же было. А я такой, мол, чё это за фигня? Мне уже неделю как восемь лет, а бабуля мне хрень какую-то говорит – семь! Прикинь?.. И я такой проводнице, мол, мне восемь лет! Бабушка мне: «Дима!.. Тебе же только семь...». А я рогом: " Бабуль, ты чё? Мне уже восемь лет!"... И пришлось платить, короче... Пол-билета. Ха-ха... – закуривает смачно, – В купе потом бабуля мне, мол, Дима!.. Я ж тебе говорила, касатик!.. Ты чё, забыл?... Вся от стыда красная... А я, мол, да как же, бабуль?!.. Мне же уже восемь!.. Хах!.. Прекинь?.. А она мне: «Дима!.. Я ж просила тебя, скажи тёте, что тебе семь лет!».. А я как баран... Восемь мне! Чё это за фигня!.. Ха-ха-ха-ха!... Короче спорили-спорили мы с ней, и бабуля в сердцах меня по морде пакетом целлофановым, чтоб заткнулся я уже... Легонько. А в пакете, оказывается кроме полотенца, ещё и баночка с вареньем. Пол-литровая... Забыла бабуля про баночку... Ха-ха-ха... – Дима закашлялся от смеха,

проплевался, и продолжает с удовольствием, – Сколько лет потом она убивалась!.. Ха!.. Простить себе не могла. Что внучка любимого!.. По любимой морде баночкой...

Эти рассказы его, это что-то особенное.

... – А как-то она меня крышкой от пылесоса... Помнишь, пылесосы такие были?.. Как торпеда. Лежачие... И чё-то бабуля с этой крышкой в руке, короче... Пылесос чистит, что ли? ... А мы в футбол, и я через всю квартиру... Бабуля во всей квартире пропылесосила, говорю, полы вымыла, а на улице грязюка, осень, а я в кроссовках, по колено в грязюке, как в говне... И с порога ей ору-ору, хотел отпроситься ещё погулять, а она пылесосит, короче, и ни хрена не слышит. И я думаю, чё разуваться? Щас отпрошусь по-пырому, и пойду доиграю, и к бабуле, короче... По всем комнатам её искать!.. А с меня аж течёт... Ха... И подхожу я сзади, а бабуля с пылесосом мудохается... Поворачивается, и аж глаза выкатывает на мои следы... Ха-ха-ха-ха... А я вратарь!... И на мне грязи... Кило полтора только на голове!... И у бабули слов нет просто... А я засмеялся, и она как-то отмахнулась, что ли... И по башке меня этой крышкой. От пылесоса... Трындец какой-то... У меня кровяца из башки, бабуля за сердце, чуть ни в обморок... Труба, короче говоря...

Дмитрий Матюшов хороший добрый парень. Работяга. Женщины находят его даже красивым, что меня вводит в ступор. Страшилище нахальное, с претензией на воспитание, а девушки оглядываются, когда мы проходим с ним по улице все в снаряжении, в касках, с лопатами и в соплях.

– Бабуля вот так вот прижмёт всё время меня к себе... Расцелует... И плачет и смеётся, надышаться не может. «Дурачок ты у меня, Дима, – говорит, – это всё потому, что я тебя столько раз по башке стукнула...» Ха-ха...

Про...

... – А скока часов?..

Из полубытия из полудрёмы, вечных попутчиков моих, на свет божий, в реальность ничемную выносят меня всё реже и реже именно такие вот звуки несуразные. И слава богу. За гордыню и спесь в назидание остальным создатель наделил меня острым слухом этим. Тревожным собачьим слухом таким, будь он неладен уже. Но творцу показалось и этого мало почему-то, и он, наблюдая за моими гадкими усмешками, щёлкнул над моей макушкой пальцами, и в глупой голове этой расцвёл пышный букет из едкой фантазии, злого языка и занудной наблюдательности. Угощайтесь, солнышко. Кушайте с хлебом, не обляпайтесь. Желаете провести весь вечер в рыданиях? Напрочь испортить настроение перед Новым годом? Так это вам ко мне, милая. Проходите, присаживайтесь. Я быстренько.

... – Часов скока, дядя?

Паренёк лет двенадцати, тощий и высокий, замер сбоку от меня в своём вопросе, и я чуть было машинально не съязвил, как делал сотню раз обычно, услышав этот вопрос:

– Одни у меня часы...

И осёкся.

Пацан в резиновых сапогах. Двадцать девятое декабря. На улице сугробы по... Выше колена, я имею ввиду. А пацан в резиновых сапогах, и сапожищи эти огромные, мужские, размера на три велики ему... Да и сам пацан одет не по сезону явно. Задрипанная короткая спортивная курточка наоборот маловата. Пацан ярко выраженный азиат. Скуластый черноволосый казашонок... А может киргиз... Рассматривая его с интересом, я не стал отвечать, чтобы потянуть время, а просто сунул ему под нос часы на своём запястье, и пацан чуть-чуть удивился, брови поднял, уставившись в циферблат.

... Час назад, убить чтоб время, я часы себе купил...

Опять стихи в башке бродят... Тоже творец постарался какого-то хрена... Да-да, пытаюсь убить время, а времени у меня целых восемь часов до моего поезда, щёб вин всрався, пардон, я от безделья шлялся по вокзалу, шоркая ботинками по абсолютно пустому огромному зданию, глаза на древнюю лепнину сводчатого потолка, и в одном из стеклянных бутиков у злой сонной толстухи купил себе зачем-то часы «Командирские», водонепроницаемые, противоударные, со светящимися стрелками и кожаным ремешком... Мечта моего детства, ей-богу... И вот эти часы, короче говоря, сунул я под нос этому странному пареньку, и паренёк вытаращил глаза свои на часы, и залюбовался аж:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.